

Эзотерика образа

О знании, открываемом в мир... об образе, проявляющем сокрытое... о Самооткровении Бога через образ... о таинственном и непреступном в Боге, становящемся откровенным и достижимым при посредничестве образа. Достаточно и подробно уже сказано об этом святым Иоанном Дамаскиным в его апологетических трудах об иконе. О том же многословные высказывания мыслей моих, по существу - перепевающих на мой помрачённый вкус, расстроенный лад - просветлённые алмазы речений святого Иоанна, бездонные высоты его мыслей об образе. Усилиюсь же ещё - несколько обобщить сказанное мной столь обширно. К этому обобщению сподвигла мысль о принципиальном различии эзотерики – знания сокровенного и для посвящённых, и экзотерике - знании, раскрытом, откровенном, как о Господе, раскрывающем Себя в мир. Знание о Боге, знание Бога, познание Бога человеком, познание человека Богом в естественной взаимной связанности твари и Творца – есть сущностное и единственно значимое наполнение христианства. К чему бы всё, если не эта Полнота. К чему бы миру Спаситель, сама мысль о Нём, если Он замкнут в Самом Себе, если Он не может быть воспринят нами, если Ему нет до нас никакого дела, если мы брошены Им в недрах сотворённой и бескрайней Вселенной - самопроизвольными былинками, ничтожно, исчезающе малыми частицами... Если в нас нет свойства к Его восприятию, нет воспринимающего органа... Эзотерика – удел избранных, инициированных и посвящённых. Сколь отлична она от нашего, от моего христианства, - сколь отлично это тайное, сокрытое знание противоположное откровению Христа о Себе... Тайно, эзотеричное знание – о противнике Христовом, о враге человеческого рода в тени, потаённой от Света, - знание о извращении, прерывании чина Господнего сыновства... о каинском лукавствующем путе-шествовании близи прямого пути ко Христу... о вхождении врага в падший мир, о временном властвовании немилосердных умов и отчуждённых от Бога сущностей – над стенающей тварью... Хохмическими насмешками над неразумием профанов, недо-молвками о себе... - глубоко скрывает знание себя враг Божий, враг рода человеческого, - тщательно утаивает себя. Скрывается враг от самой возможности распознавания себя, - во мрако-бесии своём трясётся и стенает, не находя места своего. Всё вокруг – исконно Господнее, ничего от отначала начал не сотворено враждебным Богом, ничего нет вокруг, что быlobы искони унаследовано врагом... - всё уваровано, всё – не по праву. Стенает и мучается тварь пленённая грехом человеков, отступивших от Бога, отвративших себя от Него.

Насколько отлично это сокровенное знание от познавания Бога Живого. Мы не будем рассматривать и рассуждать о таинственных, герметичных, сокрытых в самих себе обществах, передающих тайну века сего, тайну без-закония, - иницирующих своих адептов, своих членов, - пусть и именуют их своими братьями, - отнюдь не во Христе выстраивая своё герметичное вне Христа родословие. «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44), - говорит о них Бог. И в сыновстве от дьявола они действительно братья, - братья по иной наследственной ветви. Чинопоследование сыновства Господнего превращено ими в бес-чинное наследство бес-чинных людей не по праву, но по участи... произвольной ли? Пройдём самую мыслью - мимо них.

Сколь отничен от этого герметизма познания тайны, утаённой, от этой замкнутости избранных – евангельский призыв: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы» (Мф. 11:28). Нет никаких границ, никаких преград, кроме преграды греха, к преодолению которых и устроена земная церковь, как Врата в церковь небесную, как распахнутые Царские врата рая, из которых исходит Спаситель, воспринимаемый нами. Малое стадо - входит этими вратами, - малое стадо, но не ограниченное герметизмом, приидите **все** труждающиеся - ко Мне! Где двое или трое во имя Мое собрались – там Я среди вас есть, - это не значит совершенно, что общество христиан ограничивается двумя или тремя братьями в малом стаде... но гласит о пределе сохранённости спасения в пучине всеобщего отступления падшего мира.

Образ, рассмотренный нами, свидетельствует о том явственно, неоспоримо, неотразимо, - не возразить этому образу, собирающему всех собравшихся, без ограничений, без всякой избирательности. Образ не разделяет предстоящих пред ним на козлиц и агнцев. Образ – есть обращение к человеку его Богоданного естества – образности, как дарованного от сотворения человека, от рождения в жизнь - свойства. К болящим, погибающим – пришёл и ныне приникает Спаситель Христос. Литургическое восклицание «Оглашенные изыдите» - не означает отвержения чуждых, «внешних» по отношению к таинству людей, но подчёркивает высоту и глубину свершающегося. Таинство – доступно благочестивому благоговению, милостиво – открывается и неизменно – открыто всем верным. Таинство – отверзается человеку через проникновение в мистическое тело церкви, содержащей и несущей в себе это откровение. Всем и для всех – откровение Бога, всем тем, кто сознательно и произвольно обращён к проникновению в священнодейственному общему служению. Кто свободно – обращён к общему предстоянию пред Богом царственного священства – народа Божьего. Оглашение – лишь начало пути вхождения в сообщество верных, вверенных Богу, вверивших себя в руки Господни, - верных, воспринятых руками Божьими. Ничто нечистое – не внидет на этот путь, на этот брачный пир... - отнюдь не нечист оглашенный, уже – оглашенный, овеянный гласом о Господе, - ещё не о-глаголаный, - призывается он к вхождению на пир, но удаляется до времени перед пре-существованием Господа, перед самым отворением врат, перед нисхождением Господа к восприятию нас во причастии. Но уже – призван оглашенный – и взирает на образ изнутри личной точки зрения на него. И готов – взирать изнутри общего тела церкви – Тела Христова, присоединившись к Нему.

«Ни Еллина, ни Иудея» (Кол. 3:11), «нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28)... приидите все, - так гласит Апостол, так возглашает миру христианство – призывным гласом Спасителя: приидите все и Аз – упокою. Приидите к Богу, а не к кому-то посредствующему меж Ним и человеком... ко Христу живому Богу, а не к образу Его. Отряхните пыль падшей земли, брэнной греховности от ваших стоп, облачитесь в брачные одежды покаяния, облекитесь во Христа – крещением своим и – входите, лично предстаньте в лике верных – пред Ликом Христовым, образом Господним в себе и в Церкви – пред Самим Первообразом. Затеплите ваши лампы и, увещанные Спасителю, входите на брачный пир своего Жениха. Так – образно – зовёт нас Господь наш, так образ настраивает нас на высоты этого вхождения, проникновения, соприсутствия и деятельного соучастия Христу на свершающемся таинстве. К нашему соо-бытию в Его земной, внеземной – присной жизни, к восприятию Себя - зовёт нас

Бог... Зовёт пронзительным гласом и способами, неизвестными нам. В способах этого призывания, череде зовов к нам - и откровенный образ Его. Но уже вне образа, превыше образности и зовов – Сам Живой Бог. Приидите – ядите – примите... и Аз – упокою вы. Нельзя подойти, принять Святой Дар в затворённые врата сердца, отвратив от Христа сердечные очи. По предостережительному слову молитвы – опалишься таким приобщением, прикоснувшись в осуждение себе и в суд... Нельзя подойти с каиновым устремлением – разделить себя на части: Божие и моё, чтобы уделить Богу отчуждённую от себя частицу... а иное – оставить для себя, - ту истинно возлюбленную свою часть в которую не будет впущен нами и не внидет помимо нашей воли Бог. Трагично подобное разделение, отвергнут отделяющий себя от Господа и от людей, удаливший себя с писаной торбой своего возлюбленного тлена... - словно бы каинова отметина - этот тлен.

«Се, стою у двери и стучу» (Откр 3:20)... «Даждь мѝ, сыне, твоѣ сѣрдце, ѳчи же твой мой путѝ да соблюдають» (Притч 23:26)... Вручи в Мои руки – себя всего и возьми всего Меня... Я Сам таинственно вникну в тебя, доверчивого - вмести Меня Невместимого... Эти смыслы сопровождают таинство взаимного проникновения и взаимного усвоения Бога и человека, ими осмысливается образ Божий, с ними образ рукотворный перестаёт быть одним лишь предметом творчества твари, производением человеческого искусства. Этой полноте взаимного проникновения - противится Каин, угнездившийся в сердечной клетке... Каин, срашающийся изгнания из сердечного гнезда, отвращающийся и противящийся от рас-кайнию, противоборствующий таинственной перемене ума и составов человеческого естества. Трепещет Каин во мне, любитесь со стороны высоким искусством, тонко наслаждается образом Господним и личным отстранением от него. Но, вопреки чуждому голосу своего врага, - воспринимаем призывное воз-глаголание смыслов Господних кликов, призывно стремящихся к нам. Усилимся отворить слух свой, дабы расслышать зов Господний... раскрыть очи, чтобы увидеть – Его образ. Ко всем, как и лично ко мне – этот зов... Ко всем, как и лично ко мне – образ откровенный.

Монументальный живописный образ буквально распахивает перед нами череду земных деяний Христа, череду земной святости человеков, череду священнодейтельных событий, - причудливо и органично соединяя их, переплетая и сочленяя в образном целом с действенным пребыванием внутри о сбраза и внутри Богослужения – живых людей, предстоящих таинству. Переплетаются образы событий реальной жизни Христа – исполняются смыслами и событиями слова произнесённых пророчеств. Прцветают святостью образы пророков, оглаголанных Господом, - соотносятся, сообразуются с образами святых мужей, с образами небесной литургии, нисходящей в литургию земную. Служащие во святая святых отцы Церкви, предстоят престолу в живописном оформлении алтарного пространства, - органично продолжаем их чин – мы сами, молящиеся внутри храма, внутри образа, - живые люди, воспринимающие Христа Живого. Таинственно, тайнообразованно – словно бы зрящие многоочитые херувимы в едином Христовом теле – Церкви, - встречаем и зрим Христа и, в отличии от сил бесплотных, – воспринимаем Его во утробы, в составы, в сердца. Воссоединяем себя и друг друга во Христе и перед ликом Христовым – объединяем наши разрозненные составы, соединяемся с братией в единое Христово тело. Ничего таинственного – утаённого, потаённого от Христа, ничего замкнуто – герметичного. И лишь только Сам Господь – неизреченно таинственен в

неслиянной слитности Его человечества и Божества. Всяческая замкнутость, герметичность в нас самих и в сообществе предстоящих – не имеет никакого отношения к Спасителю.

Нельзя смысловые категории несмещения света и тьмы, невозможности нечистоте войти, приблизиться и прилежать Христу, - объяснить признаками православного самозаключения, самоисключения, отъединённости Церкви от прочего, профанного, непосвящённого в таинство мира. Нельзя признать некоей эзотерики в православии. Эзотерично лишь таинственное сочленение Божества и человечества во Христе. Образ же Боржий – принципиально экзо-теричен, - раскрыт, откровенен, распахнут во всей полноте. Образ – откровенен внутрь мира. Через откровенный образ Господь ищет человека... и жаждет обрести его в каждом человеке, в каждом, кто устремлён прежде всего ко Христу... возможно – и к образу Христа пред собою, кто жаждет и обретает образ своего Христа в окружающем... без-образии. Распахнут образ в мир и за пределами храма. Невидимый Первообраз наполняет как внутри-храмовое пространство, так и весь сотворённый мир - Собою, – проявляет Себя образом видимым. Пусть окружающий мир не есть Бог, нам - распознавать Христа в ближнем и класть, пусть бы мысленно, - поклон земной перед Ним в человеке. Распознаём Христа в слезах осенней тучи над распятой святостью Руси... Распознаём Христа в отражениях Его лика на глади реки, струящейся по лицу земному... И знаем, образ преподаваемый нам всем и каждому – может и должен быть воспринят нами, - к тому лишь только и преподан.... пре-поднесён он.

Таков тёплый и по мере узнавания – обжигающий и желанный - образ Спасителя Христа Бога, раскрывшего Себя в торжествующем православии, - так отличен Он от всяческого замкнутого, обезличенного знания... от обез-Боженного художества. Христу нечего скрывать и не от кого. Он весь - преподан миру, весь – возвышен над нами на Голгофе, на смерть, воскресение, вознесение, нисшествие, нисхождение, проникновение в нас... - весь, - пред нашими очами. «Распни Его!» - кричат одни и делят одежды, мечут жребий, куют крепкие гвозди, и вбивают их в безгрешную Плоть... Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей... помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем, – молят иные. Могут ли столь разделённые у Креста, разделённые Крестом люди - сущностно перейти, преодолеть своё состояние. Ужели замкнуты одни из них в тесный и герметичный круг избранных... Сколь падений человеческих на самой вершине духовного подвизания. Воспомним образ Лествицы Господней из Синайского монастыря... И те и другие в чередѣ шествующих путѣм всея земли – части падшего человечества - у Креста, перед Крестом. Части, содержащие жало греха в своей плоти. Могут ли распинающие стать в ряд рабов Господних... История сотника Лонгина, самлого апостола Павла, многие сонмы мучеников – явно свидетельствуют о возможности такого качественного перехода, трансформации, изменения человеческого естества, этого преображения, перемены – метанойи, пре-восходящей изменения одного только ума в человеке. Всем естеством изменяется тварь, принимающая в себя Христа, таинственно усваивающая Его Богочеловечество. Вот и распахнут образ в мир, как не замкнут в Самом Себе Господь. Милостиво и широко – распахивает на Кресте Своём руки, - взмывает над нами, одаривая нас несказанными, не-во-образимыми благами, неисчислимыми, непереносимыми, не вместимыми в нас – дарами Царствия Своего, что не от сего мира, - своей Вечной Жизнью, Своим Крестом – как ключом от Неба, ключом от рая. Крестом,

как самими райским Древом Жизни ко вкушению Его Плода – Спасителя моего. Крестом – райскими воротами, раскрытыми для меня лично, ка и для всего человечества. На кресте – человек – Бог, ничего сокрытого – перед нами – исшествие в смерть и восшествие из этой смерти, иссякание, исчезновение погибели. Таинство – откровенно перед нами, – и так же – откровенен перед нами образ. Не умалим его своей непочтительностью, самонадеянным взиранием и любопытствующим вне Христа любованием, не оскверним его, не загромоздим личным грехом узкие врата образа на тесном пути в таинство Христово для всех, жаждущих Бога и шествующих к Нему.

Лествица святого Иоанна Лествичника. Икона XII века, монастырь святой Екатерины на Синае